

Литература

Де Пуайар Жаклин. Гордый человек и дикая девушка // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998.

Николаева С.Ю. Чехов и Пушкин. К постановке проблемы // Пушкин: проблемы поэтики: сб. науч. трудов. Тверь, 1992. С. 123-134.

Полоцкая Э.А. О поэтике Чехова. М.: Наследие, 2000.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 5-200.

Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 5. С. 286-411.

Пушкин А.С. Цыганы // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 3. С. 159-180.

Разумова Н.Е. Чехов – это Пушкин в прозе // Вестник Томск. гос. пед. университета. 2007. №8. С. 145-148.

Роскин А.И. А.П. Чехов: статьи и очерки. М.: ГИХЛ, 1959.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука. 1983. Т. 3.

А.В. Куликова

ДИНАМИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗАХ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА И А.П. ЧЕХОВА

Пространство является одной из важнейших категорий художественного мира писателя. Как известно, интерес ученых-литературоведов к проблеме художественного пространства и времени актуализировался в 1960-70-е гг. в связи с исследованиями московско-тартуской семиотической школы (Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, В.Н. Топоров) и публикацией написанных еще в 30-е гг. работ М.М. Бахтина, важнейшей из которых является «Формы времени и хронотопа в романе» (1975).

Первое появление образа города, а именно провинции, в русской литературе относится к XVII веку [см. об этом: Абашев 2000; Русская провинция... 2000; Провинция как реальность... 2001; Геопанорама русской культуры... 2004; Козлов 2014], но

наиболее глубокая проработка этой тематики осуществлялась писателями XIX века в связи с социально-политическими процессами того времени – индустриализацией, ростом и развитием городов и, как следствие, повышением доли городского населения страны, в результате чего в литературе актуализируются оппозиции «город – деревня», «столица – провинция».

Особый интерес представляет изучение городского пространства произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова. Сопоставление произведений данных писателей актуально ввиду сходства судеб последних: как отмечает Е.К. Созина в статье «Провинция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова: топология судьбы», оба выходцы из провинции, оба использовали в своих произведениях автобиографические факты жизни в далеких от центра страны регионах, которые тогда практически не были представлены в литературе [Созина 2010: 16]. Кроме того, их роднит и тематика некоторых произведений: Чехов, проезжавший через Урал во время поездки на Сахалин, отразил в нескольких рассказах заводскую жизнь, которая стала предметом особого изображения во многих очерках и романах Мамина-Сибиряка. Хотя, безусловно, поэтика того и другого автора носит принципиально различный характер.

Многие произведения Мамина-Сибиряка посвящены осмыслению пространства уральской провинции (романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Хлеб» и др.). Исследование пространственного образа в творчестве писателя проводится в работах Г.Л. Девятайкиной, И.А. Дергачева, Ю.В. Клочковой, Л.М. Слобожаниновой, Е.Н. Эртнер.

В рамках данной работы мы остановились на произведениях малых жанров – рассказах «Башка» (1884), «Поправка доктора Осокина» (1885) (сборник «Уральские рассказы») и «Простору» (1887) («Сибирские рассказы»). Местом действия в них становится провинциальный город Пропадинск, прототипом которого послужил Екатеринбург.

В рассказе «Башка» Пропадинск, обозначенный как «городишко», показан с самой неприглядной стороны, о чем заявлено уже в начале повествования: «Утро было

отвратительно, точно природы выворотила из своих недр всю грязь, какая только была в запасе» (III, 288)¹. В городе «убийственные дороги» (III, 292) тонут в осеннее время года в непроходимой грязи, словно сама природа сопротивляется этому городу, будто бы мстит за что-то.

Скорее в положительном ключе представлен облик города в рассказе «Поправка доктора Осокина»: «Очень чистенький и бойкий городок с двадцатитысячным населением, развитою промышленностью и тем особенным бойким складом жизни, каким отличаются все сибирские города» (IV, 190). Вводится новая информация о городе: он расположен на реке Пропадинке. В прошлом в Пропадинске «кипела» жизнь, развивалось горно-заводское дело, но затем вся деятельность постепенно ослабла и «жизнь вошла в свою обычную колею» (там же). Представая в начале произведения «чистеньким и бойким», далее Пропадинск обнаруживает сходство с городом, представленным в рассказе «Башка»: «Стояла осень, и везде городские улицы были залиты сплошною грязью...» (IV, 200). Несмотря на внешнюю «бойкость», пусть в прошлом, и опрятность города, автор именуется его именно так с целью указания читателю на будущую драму, которая произойдет в Пропадинске. Внешне благополучный его облик оказывается не тождественным наполнению – наружность города скрывает за собой множество трагедий его жителей: «Кто умер, кто замаливает старые грехи, а кто на старости лет последнюю совесть позабыл», «учитель скоро спился и умер», «горный инженер Блюдечкин застрелился» (IV, 193-195).

В рассказе «Попросту» образ Пропадинска развивается дальше. Вновь рисуются утопающие в грязи улицы, по которым «экипаж тащился из одной выбоины в другую, как черепаха». Добавляются новые детали к облику города: читатель узнает, что Пропадинск, «заброшенный в черноземную равнину, граничившуюся с бесконечной киргизской степью, или ордой на местном жаргоне», находится в упадочном, «разлагающемся» состоянии (IV, 170)].

¹ Здесь и далее цит. по: [Мамин-Сибиряк 1958] с указанием тома и страницы в круглых скобках.

Рассказы «Башка», «Поправка доктора Осокина» и «Попросту», несмотря на их включенность в разные сборники, можно связать в своеобразный микроцикл. На циклическое единство «Уральских рассказов» указывает О.В. Зырянов, анализируя архитектонику и выявляя системные мотивы произведения [Зырянов 2013: 113]. В микроцикле, возникающем на основании объединения вышеназванных рассказов, выстраивается целостный образ провинциального города, который представлен с разных сторон: в «Башке» дан мир «низов», обитателей кабаков (Башка, Фигура, Медальон), в «Поправке доктора Осокина» открывается жизнь интеллигента, «Попросту» рисует купеческий слой населения Пропадинска (Бубновы). Героев объединяет то, что они являются «бывшими», в буквальном смысле «пропавшими» в Пропадинске людьми: после отъезда из города Башки дальнейшая судьба героя неизвестна, доктор Осокин сходит с ума, умирает Кочетов. Герои не нашли или не смогли отыскать в силу разных обстоятельств своего предназначения и теперь вынуждены довольствоваться имитацией жизни в Пропадинске. Таким образом, Мамин-Сибиряк представляет типичный для русской реалистической прозы XIX в. образ провинциального города, связанный с традицией Г.И. Успенского, В.А. Слепцова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. В итоге Пропадинск предстает погруженным в скуку и однообразие, жизнь в нем лишена истинных смыслов и ценностей. Жители-провинциалы, многие из которых топят свои чувства неустроенности, невозможности собственной реализации в водке, вынуждены создавать имитацию настоящей жизни в своем сознании, что, естественно, оказывается губительным для их рассудка – таков путь героев в проанализированных нами рассказах Мамина.

Финал в подавляющем большинстве рассмотренных произведений трагичен: «пропадает» Башка, умирают доктора Осокин и Кочетов. Однако, отметим, что у Мамина-Сибиряка есть рассказ «Первая корреспонденция» (1886), где представлен для литературы того времени один из первых путей преодоления провинциального пространства: газетная заметка послужила толчком к преобразению душ обывателей. Последние словно пробуждаются от сна, освобождаются от

чувства скуки и обыденности жизни – появились «новые люди, завелось общественное собрание, когда в собрании начали устраиваться литературные вечера и в разговорах послышались новые песни...». Таким образом, «Первая корреспонденция» выделяется на общем фоне своей скорее оптимистической концовкой, дающей надежду на светлое будущее.

Тема поглощения городом духовного содержания человека присутствует и во многих известных рассказах и повестях А.П. Чехова, включая, к примеру, такие, как «Моя жизнь» (1896), «Ионыч» (1898), цикл «маленькая трилогия» (1898), но в то же время в некоторых произведениях прославленного современника Д.Н. Мамина-Сибиряка провинциальный город представлен в противоположном измерении. К исследованию темы города в творчестве Чехова обращались такие исследователи, как М.П. Громов, В.Б. Катаев, А.С. Собенников, В.И. Тюпа, А.П. Чудаков и мн. др. В ряде произведений Чехова образ города дан в развитии, что и стало основным критерием отбора его рассказов для нашего анализа – город не остается одним и тем же на протяжении всего рассказа или повести, но постепенно меняется, что зависит, в первую очередь, от того, как воспринимает его центральный герой произведения, на котором сосредоточено внимание автора.

В начале рассказа «Учитель словесности» (1889) город рисуется панорамно, в жизнеутверждающем ключе: «Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стынут от своего запаха. В городском саду уже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всех сторон слышались смех, говор, хлопанье калиток... А как тепло, как мягки на вид облака, разбросанные в беспорядке по небу...» (VIII, 311)¹. В данном случае пейзаж дан через восприятие молодого учителя Никитина, который влюблен и потому видит мир в столь светлых и жизнерадостных красках. С женитьбой Никитин постепенно привыкает к обеспеченной, лишенной волнений семейной жизни. Круг его перемещений сужается – гимназия,

¹ Здесь и далее цит. по: [Чехов 1983] с указанием тома и страницы в круглых скобках.

дом, церковь по выходным и праздничным дням. Чехов показывает постепенное изменение внутреннего состояния героя: Никитин перестает вести дневник, играет в карты во время Великого поста, тем самым он поэтапно сводит на «нет» свое внутреннее развитие (позднее этот процесс будет отражен Чеховым в рассказе «Ионыч»). Далее герой незаметно для самого себя начинает погружаться в обывательскую жизнь, синоним которой – пошлость. Как снежный ком, нарастают раздражающие и вызывающие неприятие Никитина составляющие этой жизни: злобно рычит собака Шелестовых, для Манюси дать стакан молока для мужа – «непорядок», так как он припасен у нее для переработки в масло, даже воду она пьет «с жадностью», которая не может не раздражать Никитина (VIII, 327-329).

Параллельно с изменением состояния героя меняется и окружающий мир: такого широкого образа города, как в начале произведения, уже нет, кругозор героя как бы сужается – он видит лишь, как начинается дождь и на улице становится «темно и грязно» (там же). К Никитину приходит осознание, что, помимо того камерного и уютного мира, в котором он существует, есть другая, настоящая жизнь, где можно «работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать» (VIII, 330). Учитель словесности, как и Кочетов из рассказа Мамина-Сибиряка «Попросту», понимает, что он деградирует, но причины этого герой видит исключительно в своем окружении: «Где же я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины...», Сергей Васильич решает «бежать» (VIII, 332), но данный исход иллюзорен и не может осуществиться так же, как иллюзорен идиллический мир, в котором жил герой ранее. По всей видимости, душевных сил для отъезда у Никитина нет, в любом случае свое чувство неустроенности герой перенесет с собой в другое место, где все может повториться вновь – ведь Лессинга учитель словесности так и не прочитал, то есть не сделал хотя бы небольшого шага для своего изменения.

Таким образом, Чехов показывает, что жизнь в провинциальном городе требует от человека определенных сил, душевного напряжения, энергии, умения организовывать себя и свое существование в этом мире, так как извне никаких средств для этого не поступает. Провинциальная среда сводит на «нет» все порывы духа человека, не способствует его развитию, поэтому жителю такого города остается рассчитывать только на себя, на свои силы. Вопрос лишь заключается в том, есть ли у провинциала потребность и возможность для этого развития.

Такие черты провинциальной жизни, как повторяемость, внутренняя неизменность, автор демонстрирует в рассказе «Душечка» (1898). Данное произведение неоднократно анализировалось в разных аспектах – в пример можно привести полярные точки зрения Л.Н. Толстого и В.И. Тюпы на образ героини. Если первый видел в образе Душечки суть женской натуры, которая способна любить до самопожертвования, и отмечал в рассказе «выведение истинно женской любви» [цит. по: Семенов 1986: 218], то последний характеризует образ жизни героини как приспособленчество [Тюпа 1989: 67]. Для нас в данном случае важна репрезентативность образа героини для провинциального города. Душечка полностью растворяется в близких ей людях, со смертью очередного мужа героиня утрачивает смысл жизни, становится безучастной ко всему вокруг, но ровно до тех пор, пока не встретит новый объект внимания, который можно окружить заботой. Житель провинции (в данном случае – Ольга Семеновна Племянникова) показан лишенным собственного мнения, беспомощным и не умеющим жить по собственным, а не по чужим правилам и установкам.

Соответственно изменениям героини преобразается и облик ее дома, типичного для небольшого провинциального городка: «Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился, и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой» (X, 110). Но если изменения, происходящие с героиней и ее домом, отражающим образ хозяйки, носят дезэволюционный характер, то город меняется в положительном ключе: «Город мало-помалу расширялся во все стороны; Цыганскую Слободку уже окрестили улицей, и там, где были сад “Тиволи” и лесные

склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков» (там же). Сама героиня не замечает происходящих в городе перемен, так как во время отсутствия объекта заботы, привязанности время как таковое для нее останавливается. При появлении очередного мужа или мальчика Саши в финале время начинает двигаться, но ход его движения замкнут в повторяющийся круг, так как суть жизни внутри него не меняется.

Своеобразным итогом городской темы в творчестве А.П. Чехова можно считать повесть «Палата № 6» (1892), в которой образ города становится символом «закрытой» жизни не только в провинции, но и во всей России. Хронологически «Палата №6» – не последнее произведение Чехова о провинции: позднее им будут созданы такие знаменитые тексты, как «Моя жизнь», «Ионыч», цикл «маленькая трилогия», но в смысловом плане указанная повесть является наиболее представительным произведением данного автора о провинциальном городе.

По существу, безымянной город «Палаты №6» является идентичным Пропадинску из проанализированных выше произведений Мамина-Сибиряка: царит атмосфера неуют, мрака, дороги в осеннее время года залиты грязью. Палата в психиатрической больнице, мир которой – замкнутый, тесный, отгороженный от остального пространства «целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли» (VIII, 72), становится олицетворением города. Трагические истории жизни героев демонстрируют способность провинции к поглощению сначала лучших человеческих качеств, затем рассудка и, в финале, жизни человека. Практически аналогичную «Палате № 6» ситуацию находим в произведении Д.Н. Мамина-Сибиряка «Попросту» – врач оказывается на месте своего пациента. Правда, у Чехова ситуация приобретает более трагический исход, так как Рагин умирает не от внешних причин, а от внутреннего разлада, который привел его к апоплексическому удару (Кочетов в рассказе Мамина гибнет, по большому счету, от пьянства). Несколько иную, но не менее трагическую и символическую судьбу имеет герой рассказа «Поправка доктора Осокина», тоже врач – он теряет разум. Выбор профессии для главных героев данных произведений представляется

символичным – именно врачи, долг которых заключается в спасении жизней людей, оказываются не в силах помочь себе.

Таким образом, для Д.Н. Мамина-Сибиряка было важным показать образ конкретного города и заострить внимание читателя на его негативных чертах. Хотя уже само название маминского города – Пропадинск – свидетельствует о наклонности к обобщению и типизации. Для А.П. Чехова вся провинция становится обобщенным местом, которое может находиться в любой точке страны. Именно в «Палате №6» образ города получает глобальное обобщение, вплоть до символического. Однако если в произведениях Мамина-Сибиряка облик города практически сливается с образами его героев, то Чехов показывает, что потенциал города и человека может быть различен, что человеческая позиция способна оказать влияние на место, в котором он живет. Тем самым Чехов открывает экзистенциальные смыслы городского топоса, в связи с чем оказывается не столь уж важной ни конкретика названия города, ни его топография. Позднее тема провинциальной городской жизни с новой силой зазвучит в произведениях В.В. Вересаева, Е.И. Замятина, А.М. Ремизова, И.А. Бунина и других авторов XX века.

Литература

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / сост. А.Ф. Белоусов, В.В. Абашев, Т.В. Цивьян. М.: Язык славянских культур, 2004.

Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989.

Девятайкина Г.Л. Поэтика пространства и топонимический код в уральской прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [б. и.], 2009.

Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск: Ср.-Урал. книжн. изд-во, 1981.

Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Клочкова Ю.В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [б. и.], 2006.

Козлов А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б.и.], 2014.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Правда, 1958.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Первая корреспонденция. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_1886_pervaya_correspondencia.shtml (дата обращения: 4.12.2014).

Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001.

Русская провинция: миф-текст-реальность / сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.; Спб.: Тема, 2000.

Семенов С.Т. О встречах с А.П. Чеховым // А.П. Чехов в воспоминания современников. М.: Худож. литература, 1986. С. 210-223.

Слобожанинова Л.М. Непрочитанный Мамин. 900-е годы // Урал. 2009. №11. С. 233-242.

Собенников А.С. «Между “Есть Бог” и “Нет Бога”» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1997.

Созина Е.К. Провинция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова: топология судьбы // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки, 2010. №4 (82). С. 15-26.

Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высш. Школа, 1989.

«Уральские рассказы» как художественная целостность // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. С. 109-128.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1974-1983.

Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005.

А.Г. Уймина

МОТИВ ИГРЫ В СКАЗАХ П.П. БАЖОВА

Мотив игры имеет существенное значение как для мировой, так и для русской литературы, начиная с древнерусских повестей и заканчивая современными текстами массовой культуры. Рассмотрение мотива игры сопряжено с рядом сложностей. Одна из них – необходимость различения игрового мотива и игровой темы в художественных текстах. В отличие от мотива, под которым понимается простейшая, неразложимая далее единица, которую легко выделить или понять на подсознательном уровне [Веселовский 1940], тема являет собой набор событий, проходящих через весь текст. Мотив игры предопределяет соответствующие игровые ситуации, формирующиеся в текстах.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных феномену игры в мировой культуре, систематизации игровых ситуаций и сопряженного с ними игрового поведения в художественной реальности не проведено. Единого решения этой проблемы до сих пор не найдено. В связи с этим стоит задача создания некой классификации, на которую затем можно будет опираться при анализе конкретных текстов. Наиболее частотны в этих классификациях такие игровые ситуации, как соревнование, творчество, розыгрыш. Они могут объединяться, переходить друг в друга, образуя новое игровое состояние в художественной реальности.

При рассмотрении игрового мотива важно выявить приемы и образы сюжетного воплощения его в тексте. Они тесно связаны с этапами игры, к которым относятся вовлечение, обговаривание условий, выполнение этих условий и, соответственно, выход из игрового пространства. Немаловажную роль при этом играет внешний вид участников